Окружение и воображение: Карл Белл о необходимости магии в городах

беседовал Иэн Броди. перевод и комментарии Яны Елизаровой

Карл Белл (Karl Bell) — ведущий исследователь в проекте «Сверхъестественные города» (Supernatural Cities) в университете Портсмута (Великобритания), где он читает курс об истории культуры и общества. Беседовал Иэн Броди, доцент фольклористики, Университет Кейп-Бретона. Расшифровка интервью подверглась небольшой редактуре: были удалены паузы и фальстарты предложений.

Для цитирования:
Белл, К. (Автор), Броди, И. (Инт.), Елизарова, Я. (Пер.). (2020). Окружение и воображение: о необходимости магии в городах. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 332–344. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-332-344.

Environment and imagination: Carl Bell on the necessity of urban magic

Interviewed by Ian Brodie. Translation and comments by Yana Elizarova

To cite:
Bell, K. (Author), Brodie, I. (Int.), Elizarova, Y. (Transl.). (2019). Environment and imagination: Carl Bell on the necessity of urban magic . *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 332–344. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-332-344.

Начнем, пожалуй, с начала. Расскажите о вашем академическом пути.

Что ж, я историк культуры. Я защитил диссертацию — 12 или 13 лет назад — о магическом мышлении в городской среде. На самом деле, все началось с Норвича, в котором я родился, и Манчестера. Я хотел сравнить деиндустриализирующийся и индустриализирующийся город в восемнадцатом веке — и далее в девятнадцатом. Моим научным руководителем был Энди Вуд[1], специалист по раннему Новому времени, и мне кажется, я в некоторой степени усвоил его взгляды на мифологическое сознание раннего Нового времени, и затем пытался проследить, как и насколько глубоко этот тип мышления проник в городскую среду XIX столетия, менялась ли и преображалась ли за это время потребность в сверхъестественном. Как-то так я и начал.

[1] Энди Вуд (Andy Wood), профессор Даремского университета.

И к каким же выводам вы пришли в результате этого исследования?

По сути, они адаптировались: в частности, вот потребность в магии получила второе дыхание. В практическом плане: в контексте изобличения преступлений и краж, при выявлении вора или колдуна «гаданием на Библии» или иными подобными методами, да даже в области медицины. Многие из этих практик сводятся к потребности в своего рода психологическом костыле, чтобы приспособиться к модернизации, урбанизации и так далее, и в очень многом из этого происходит их психологическая функция. Это же не просто эскапизм, не просто традиция ради традиции, это попытки обрести чувство агентности в среде, которую люди, по их собственному ощущению, почти не контролируют.

То есть по сути происходит переориентация этих прежде неизвестных артефактов и неизвестной среды, поскольку артефакты и среда, унаследованные от сельского прошлого, больше не работают?

Верно. И практики делятся на действенные и не действенные более чем практичным образом, и те, что уже не актуальны, отмирают. В частности, в городской среде XIX века сама идея закрытых сообществ, где обвинения в колдовстве и правда могли процветать (в сельских условиях), уже не так хорошо работает. Это не значит, что городского колдовства не существует, просто оно работает немного по-другому: либо оно проявляется очень локально и сосредоточено на семье, а не на сообществе, либо оно сильно рассеивается, и получаются скорее общие обвинения, за которыми по большей части не стоит память общины.

Это очень интересно, я раньше никогда не задумывался о том, что происходит с колдовством. Получается, когда оно существует в изоляции в рамках классического «народного общества» по Редфилду [Redfield 1947], колдовство представляется логичным, но урбанизация сводит магию на нет?

Скорее, магия адаптируется. Магия все еще может быть использована как оружие или оправдание, особенно когда люди чувствуют, что против них колдуют члены их семьи, в качестве своего рода попытки дать сдачу или свести счеты. Иногда такие истории доходят до суда как дела о телесных повреждениях, и подсудимый или обвиняемый порой выпаливает, что чувствовал себя под воздействием заклинания и кто-то управлял его действиями, и поэтому ему пришлось пустить оппоненту кровь, чтобы этот морок спал. Это больше похоже на то, что могло бы твориться в семнадцатом веке — но по факту происходит в девятнадцатом!

А чем Норвич отличался от Манчестера?

В Норвиче, поскольку это более старый город, сохранилось больше следов традиционной магической культуры. Идея о том, что магия не сводится только к крестьянской культуре, и она уже существовала там какое-то время. Кроме того, существуют некоторые типы колдовства, истоки которых как раз тесно связаны с городской культурой, например, любовная магия. В Манчестере такие явления встречаются реже. Конечно, играет роль и некоторое самоопределение города: Манчестер видит себя очень практичным, современным, как говорится, впереди планеты всей. Поэтому защитники его имиджа стремятся опровергнуть идею о том, что колдовству в столь

современном городе может найтись хоть какое-то место. Тем не менее, если посмотреть на такие вещи, как истории о привидениях, которые генерируются в обоих городах, то и в Норвиче, и в Манчестере мы увидим равно широкую и богатую прослойку магического сознания.

Что такое «любовная магия»?

В первую очередь зелья и все такое. Считается, что она берет свое начало в Европе, и явно в эпоху Ренессанса. Это зелья или отвары, которые полагалось скормить человеку, чье внимание, так сказать, вы хотели привлечь.

По сути, тогда более поздним эквивалентом тут получается классический американский торговец-шарлатан (snake-oil salesman), с ложными научными свойствами в противовес ложным магическим?

Да, верно. И вот в XIX веке появляются люди, которые используют развитие дешевой рекламы или тогдашние газеты и периодику, где начинают это рекламировать. И начинают они зачастую с того, предлагают вполне практические услуги и даже медицинскую помощь, например, лечение артрита или зубной боли, но если дочитать до мелкого шрифта, то в объявлении нередко предлагают что-то типа любовных зелий, заклинаний от порчи и так далее: такие люди стали «мастерами на все руки».

Вот для урбанизма характерно наличие прессы и медиа.

Да, и это интересно, потому что в то время господствует мнение, что современное, городское сводит на нет веру в сверхъестественное: она воспринимается как традиционное, сельское, отсталое, и считается, что она просто как по волшебству — простите за каламбур — исчезает. И тем не менее, реально мы видим, как эта вера адаптируется: есть вот эти самодельные магические книги, такие гадательные книги, где собраны различные методы предсказания будущего. Насколько помню, об этом писал Оуэн Дэвис в своей работе «Газеты и вера в колдовство и магию в Новое время» [Davies 1998]: тот факт, что люди умеют читать, вовсе не обязательно означает, что все они будут читать в высшей степени рациональные и просветительские тексты. Но вот этим люди действительно всерьез увлекаются, и получается своего рода продолжение магической традиции, но из устной традиции она переходит в книжную, печатную форму.

Вернемся к проекту «Сверхъестественные города». Когда он появился?

Он вырос из моих собственных научных интересов, что логично. На самом деле, начиналось все как индивидуальный проект. На факультете в Университете Портсмута выделялись гранты на индивидуальные и групповые проекты, и в течение года «Города» просуществовали как индивидуальный. Я присматривался к коллегам в университете, с кем хотел бы поработать и посмотреть, не захотят ли они присоединиться к проекту, и так, в общем, все и сложилось. В течение года, пока в проекте был только я один, я ближе всего подошел к тому, чтобы провести какое-то подобие этнографического исследования: я организовывал в Портсмуте мероприятия, на которые приглашал людей в расчете на то, что они потом загрузят собственные актуальные истории о привидениях. Не скажу, что эксперимент прошел

удачно — люди в течение вечера были готовы поделиться разным личным опытом, но структура их нарративов оставляла желать лучшего. Похоже, что люди утратили искусство хорошо рассказывать о привидениях, так что как максимум вы получаете условный рассказ о «скрипучей двери», и на том все: нагнетания атмосферы нет, кульминации нет, это просто что-то типа: «Я был в доме, там был шум, и я не могу его объяснить». Это реально разочаровывает. Не знаю, сталкиваетесь ли вы с таким в своих собственных исследованиях.

> *Но в то же время, это же очень сильно зависит от того, что именно вы ищете. Если вы ожидаете услышать увлекательный, логичный рассказ, с хорошей завязкой, серединой и концовкой, то да, эти истории вам покажутся ужасными, потому что люди же вовсе не обязательно тренировались их рассказывать. Но если вам нужны рассказы очевидцев о сверхъестественном или о первом опыте столкновения людей с чем-то, что иначе они объяснить не могут, то именно эти сбивчивые рассказы чаще всего и станут самым интересным ответом на ваш запрос. Знакома ли вам работа Билла Эллиса и его идея о «полужизни» легенды [Ellis 1989]?*

Да.

> *По Эллису, идея как имя для опыта витает в воздухе, а затем вы присоединяете ее к своему собственному опыту столкновения со сверхъестественным, и первый уровень здесь — это перевод, когда вы просто пытаетесь что-то сформулировать, и получается отвратительно и просто ужасно, и как нарратив это жалкое и беспомощное зрелище. А затем, когда вы осознаете, что не просто что-то сообщаете, что это нарратив, так что из свидетельства это превращается в рассказ, и так вы выстраиваете внутреннюю логику — и все-таки получаете отточенный, законченный нарратив. И только потом, много позже того, как этот сверхъестественный опыт либо был отвергнут, либо принят в вашей картине мира, в вашем репертуаре появляется этот готовый номер. Таким образом, ваш «провальный» эксперимент, как вы выражаетесь, на самом деле был удивительно успешным, но, опять же, разочаровывающим с точки зрения того, чтобы тут же развернуться и предъявить его кому-то, кто не обязательно хорошо разбирается в процессах рождения страшилок по методологии Эллиса.*

Наверное, я был слишком к ним критичен или прервал эксперимент раньше, чем следовало — может, в этом дело. С точки зрения устойчивого общественного интереса к сверхъестественному и веры в сверхъестественное, все эти вещи остаются очень живыми, как бы «плохо» ни рассказывались истории. Есть ощущение, что это нечто за пределами нашего понимания, что люди не могут так вот запросто объяснить, и поэтому они продолжают тянуться к сверхъестественному как к границам возможного, границам познания.

> *Но все равно же они при этом колеблются: «Надо же объяснить, почему эта дверь не просто так скрипела. Другого объяснения у меня нет: должно быть, это был призрак».*

Так вот, «Сверхъестественные города» начались как индивидуальный проект, а потом в том (2016) году я организовал первую одноименную конференцию в Портсмуте, и там, по сути, и состоялось мое междисциплинарное

(мультидисциплинарное уж точно — это не одно и то же) взаимодействие с другими. На первой конференции присутствовали и выступали с докладами культурные географы, городской антрополог, специалисты по готической литературе и фольклору. Это действительно подтолкнуло к мысли о том, что этими явлениями интересуется много разных ученых и исследователей, и все же они как бы склонны не вступать в диалог друг с другом. Вы знаете, мы как будто говорим в пустоту или как будто сидим по бункерам — бункерам наших дисциплин, где, в моем случае, просто читаем материалы историков и понимаем, что на самом деле в междисциплинарное поле мы не переходим. Эта первая конференция, хотя и была довольно небольшой, стала настоящим открытием с точки зрения пересечений и взаимосвязей.

Могу себе представить. Я был на конференции по ужасам в фольклоре, которая проходила в Фалмуте[2]: там было два или три фольклориста, а все остальные были в основном специалистами по литературе и кино. Мы говорили об одном и том же, просто мы не обязательно опирались на один и тот же круг источников. Так получается, «Сверхъестественные города» сработали так же — вы обнаружили сообщество, заинтересованное в совместной работе?

Да, вроде того, а затем, чтобы все это зацементировать, у нас был издатель, который захотел посетить конференцию, потому что ранее они опубликовали мою книгу о «Джеке-прыгуне» [Bell 2012] и были очень заинтересованы в том, чтобы сделать публикацию и по результатам этой конференции. Но им хотелось не просто выпустить небольшой сборник тезисов, им нужна была более содержательная книга. Это заняло некоторое время, и мне пришлось искать людей, которые поучаствовали бы в сборнике, по всему миру, но потом это выросло в недавно опубликованный сборник «Сверхъестественные города», он вышел в прошлом году [Bell 2019]. Он отражает мультидисциплинарность подхода, а также значительно расширяет хронологию по сравнению с моими одиночными исследованиями: теперь проект охватывает период примерно от конца XVIII века до пекинского фольклора XXI века.

Помимо очевидного благозвучия, почему вы выбрали в качестве названия «Сверхъестественные города», а не, скажем, «Города с привидениями»?

В нем был этот аллитеративный элемент: я имею в виду, оно цепляет. Но с другой стороны, меня беспокоит, что такое название иногда скрывает тот факт, что мы смотрим не только на сверхъестественное: нас интересует связь между воображением и окружающей средой. А такой подход обязывает нас углубиться в психогеографию, аффективную географию и тщательно изучать окружающую среду, всевозможные городские странности. В прошлом году у нас была конференция по этому вопросу[3]. Так что это все — сверхъестественное, хонтология[4], мы пытаемся охватить все эти сферы. И должен признать, что лично я все еще пытаюсь разобраться

[2] Конференция *Folk Horror in the 21st Century.* Университет Фалмута, 5–6 сентября 2019. Режим доступа: https://wordpress.lehigh.edu/folkhorror2019/

[3] Конференция *The Urban Weird 2018*. Университет Хартфордшира, 6–7 апреля 2018. Режим доступа: http://www.opengravesopenminds.com/urban-weird-2018/

[4] См. [Derrida 1993]. Более позднее рассмотрение концепции см. в тематическом выпуске Hauntology in psychological anthropology [Ethos 2019].

с нюансами этих дисциплин. Если вы собираетесь развивать мультидисциплинарный подход, вы не можете просто точечно сфокусироваться на сверхъестественном. Если вы собираетесь сделать этот первый шаг, вы обязываете себя сделать и следующий, как бы говоря: «Давайте посмотрим на все различные теории, которые вращаются вокруг проблемы понимания людьми этой связи между сверхъестественным, или фантастическим, или готическим — как это ни называй — и окружающей средой. А еще того, как сама городская среда, по видимости, подпитывает эти идеи».

> *Я вот как раз думал, что сверхъестественное — довольно широкая категория, которая не обязательно себя ограничивает. Например, всякий раз, когда я думаю о «городах с привидениями», я думаю, по большому счету, о стимпанке. Так что «сверхъестественное», на мой взгляд, как раз расширяет эти границы.*

На основании моей собственной работы у меня сложилось ощущение, что понятие сверхъестественного — достаточно широкий зонтичный термин, чтобы под ним уместились и колдовство, и призраки: эти явления не обязательно одной и той же природы, но они вполне могут сосуществовать в рамках одного зонтичного термина. Таким образом, это не просто магические города: я не просто изучаю магические верования и практики, но захватываю более широкий диапазон, рассматривая динамику власти в них, стоящие за ними влияния и то, как они проявляют себя в окружающей среде.

> *И получается не слишком обтекаемый каламбур с тем, что города всегда ставятся в противопоставление с «естественным». Так кто же перебрался в Портсмут, чтобы присоединиться к вашему центру? Не могли бы вы рассказать мне о некоторых других участниках?*

Сначала мы привлекли двух архитекторов из Школы архитектуры в Портсмуте. Одна из них впоследствии ушла, ее зовут Карен Филдер, и она очень интересовалась идеей призрачных зданий и руин, призрачным присутствием построек, которых больше нет. Это особенно увлекательное измерение, о котором я на самом деле не думал: я иногда улавливаю его отголоски в историях о привидениях, местных городских историях о привидениях, в которых живет память о здании. В них здание часто уже сгорело или давно снесено, но все еще живет история о привидениях, связанная с этим местом, и поэтому она меняет пространство. Работа Карен была направлена как раз на изучение этого феномена: идея призрачных зданий, и того, как они остаются в памяти, была особенно запоминающейся на мой взгляд. С тех пор как Карен ушла, к нам присоединилась Белинда Митчелл, тоже из Школы архитектуры, и она изучает чувственные практики и архитектурное пространство. Она очень пристально рассматривает аффективную среду, ее внутренние и внешние проявления, связь между ментальными реакциями на занимаемые нами пространства и триггерами, вызывающими эти реакции. Она склонна использовать довольно художественные, творческие практики, чтобы исследовать эти идеи, но речь идет о том, как определенное пространство может вызвать память, может вызвать эмоции. Обе они (Филдер и Митчелл) занимаются очень новаторской работой в области архитектурных исследований. Это далеко не просто планировка городской застройки или что-то в этом духе, это такая чувствительность к архитектурной среде, которая обогатила проект «Сверхъестественных

городов». Кроме того, у нас довольно много людей из Школы творческого письма, возглавляемой Элисон Хабенс, одним из наших ключевых участников, и Томом Сайксом. «Сверхъестественные города» хоть и академический проект, но он всегда стремился выйти за пределы «башни из слоновой кости», поэтому нам удалось развить тесные связи с местным творческим сообществом. Люди интересуются сверхъестественным, им это нравится, будь то истории о привидениях, городские легенды или что-то еще, и поэтому работа с писателями была действительно важным способом, с помощью которого мы смогли преодолеть границы академической среды. Материал, что они создавали, был действительно хорош: он был основан на рассказах о призраках и прочем, но применял их к конкретным местам. Кстати, одна из идей, которую реализовали довольно рано — и это отчасти восходит к моему разочарованию в попытке собрать местные истории о привидениях — это когда я пошел в местный Портсмутский центр притяжения писателей, в писательский класс, и предложил им челлендж. Я рассказал им о своих исследованиях, о некоторых портсмутских историях о привидениях, а сам челлендж состоял в том, чтобы всем этим вдохновиться — и написать сущностно новые страшные рассказы о Портсмуте. Идея заключалась в том, что все эти рассказы должны быть связаны с городом, но действие могло происходить как в исторические времена, так и в современности. Я предполагаю, что, учитывая ваш профиль, вы, Йен, вероятно, рассматриваете это как своего рода фэйклор или типа того, но я просто пытался развить интерес к тому, как окружающая среда может стать основой для рассказов о сверхъестественном. Это привело к созданию антологии, под моей соредактурой, под названием «Темный город: Рассказы о призраках и ужасах Портсмута» [Bell, Pryde-Jarman 2016]. Это не академический трактат, но он черпает свое вдохновение из академических исследований. А уже выход сборника позволил нам установить прочные связи со многими местными творческими людьми: художниками, писателями и музыкантами, которые часто реагируют в своем творчестве на то, что мы делаем, и все это под конец вылилось в так называемый Портсмутский Даркфест, который я возглавляю. Даркфест теперь стал ежегодным культурным праздником в городе. Он начинается примерно в период Хэллоуина и длится в течение трех недель, и он действует как своего рода подмостки для местного творческого сообщества и для творчества на темы зловещего и сверхъестественного в самых разных формах: будь то выставка, перформанс, литература — да все что угодно. Это было неожиданное и действительно совершенно непреднамеренное измерение проекта — то, как местное сообщество, в особенности — представители творческих профессий, отреагировали на работу, которую мы делали в университете.

> *Не знаю точно, как у русскоязычной аудитории этого интервью, но, по крайней мере, в Обществе изучения современной легенды (ISCLR) большинство уже давно вышло за рамки этого фейклорного аспекта: когда художники опираются на эти вещи и пересоздают их, они, конечно, действуют как специалисты и руководствуются иными ожиданиями по сравнению с некими теоретическими чисто фольклорными проводниками, но по сути это же одно и то же.*

Наверное, именно так и получается с чем-то вроде Слендермена: люди постоянно его додумывают, надстраивают, автора или держателя копирайта у него нет, и все же это, по-видимому, именно то, что ученые, со своей стороны, могут подхватить как проявление современного сторителлинга.

То, что сторителлинг преобразовывает пути распространения этих историй, само по себе интересно для фольклористов.

Именно. То, что какое-то явление не допотопного происхождения, не обязательно означает, что сам процесс по своей природе фальсифицированный или ущербный, и точно так же этого не следует из входа явления в массовую культуру, из ожиданий рынка и так далее. Кстати, мне кажется, я видел анонс конференции «Сверхъестественных городов» в этом году, может быть, я ошибаюсь, но вроде бы она была отменена из-за пандемии коронавируса?

В этом году конференции действительно не будет: чтобы развивать междисциплинарное сотрудничество, мы провели тогда ту первую конференцию в Портсмуте, но вот что до конференции 2017 года... Мы каждый раз стараемся придумать новую тему, а еще мы пытались найти соорганизаторов, чтобы проект не был исключительно портсмутским. Итак, в 2017 году мы провели конференцию на тему «Готические города» в Лимерике[5], и это было действительно интересно, потому что тогда это было своего рода расширение границ буквально до исследований готической литературы. В 2018 году мы работали с Университетом Хартфордшира. Я не знаю, знакомы ли вы с Самантой Джордж: она занимается проектом под названием «Открытые могилы, открытые умы»[6], это исследовательский проект о вампирах. Она изначально литературовед, но все больше и больше погружается в изучение демонов, фэйри и фольклора. С ними мы сделали проект о городских странностях. А в последний раз были «Волшебные города»[7], но это как-то расползлось в изучение того, например, как изображаются города в супергеройских комиксах Marvel, так что охват тем у нас довольно внушительный! Но опять же, это все затем, чтобы исследовать вовлечение поп-культуры и того, как изображается город в разных ее формах. Ну а что я собирался сделать этим летом — Рут Хехольт (которая в прошлом году организовывала конференцию о фолк-хорроре в Фалмуте) хотела в этом году сделать конференцию о «темных экономиках»[8], этим я и занимался. Я состоял в оргкомитете, но все отложилось до следующего лета. В следующем году мы точно это сделаем, «Темные экономики» обязательно будут. Я думаю, что фолк-хоррор здесь своего рода один из составляющих элементов: видимо, столько было впечатлений с той конференции, на которой вы были, что это вылилось в анонс новой, про «Темные экономики», и я собираюсь на секции делать доклад о колдовстве в XIX веке.

Не уверен, что мой следующий вопрос относится именно к работе над Норвичем и Манчестером, но, возможно, у вас есть какие-то мысли по этому поводу: вы говорили о стремительной индустриализации Манчестера. И мне интересно — тут наш разговор, кажется, обретает более абстрактный оборот — как постиндустриализм повлиял на сверхъестественную среду города и магическое мышление. Я живу в Кейп-Бретоне, в канадском Сиднее, он когда-то был одним из промышленных центров

[5] Конференция Supernatural Cities II: Gothic Cities. Школа искусства и дизайна в Лимерике, 6–7 апреля 2017. Режим доступа: https://supernaturalcitiesgothiccities.weebly.com

[6] http://www.opengravesopenminds.com

[7] http://supernaturalcities.co.uk/magical-cities-2019/

[8] Конференция Dark economies: *Anxious futures, fearful pasts.* Университет Фалмута. Изначально конференция была запланирована на 8–10 июля 2020 года, предварительно перенесена на 7–9 июля 2021 года. Режим доступа: http://darkeconomies.co.uk

Атлантической Канады. Двадцать лет назад все угольные шахты закрыли, сталелитейный завод тоже закрылся и был снесен. Нам в наследство остались так называемые сиднейские гудронные пруды (это сточная канава сталелитейного завода и самый загрязненный участок Канады, который находится в десяти минутах ходьбы от того места, где я сейчас с вами разговариваю), и никакой почвы для экономического развития, не считая разве что колл-центры и сферу услуг. И, как ни странно, Университет выступает одним из главных работодателей. Так что постиндустриализм — это одна из тех тем, которые везде актуальны, но здесь представляют особый интерес, поэтому мне любопытно было бы услышать ваши мысли.

У нас в Портсмуте сейчас примерно так же. Очевидно, что у нас всегда была сильная связь с Королевским флотом, и они никуда не делись, но помимо этого верфь, что раньше обслуживала флот, исчезла, и сейчас это просто туристическая достопримечательность, тоже сфера услуг, как вы выразились, а университет в городе теперь довольно важный работодатель, так что я думаю, положение у нас примерно одинаковое. Про это писали как раз в прошлогоднем сборнике: я про одну из участниц, Мораг Роуз, которая написала последнюю главу — о постиндустриальном Манчестере[9]. Моя работа об адаптации магии в Портсмуте и Манчестере касается этих явлений начиная с 1850-х годов. Мораг же рассматривает вопрос в период с конца XX века и до настоящего времени, и с точки зрения того, каким образом до сих пор проявляется потребность к созданию городских легенд. Мораг очень интересуется психогеографией, они вроде бы называют свой проект «сопротивлением праздношатающихся»[10]. Они, по сути, ходят в такие психогеографические *дрейфы* по Манчестеру и концентрируются на подобного рода чувствительности к травмам и несправедливостям индустриального прошлого, эксплуатации и тому подобным элементам. В основном их внимание сосредоточено на каналах Манчестера и таких районах, которые сейчас сильно джентрифицированы. Они замечают, как именно ужасы прошлого, лежащие в основе экономического процветания города, забылись — жизнь не стоит на месте, наступила постиндустриальная эпоха. Например, Мораг рассказывает об эдаком зловещем персонаже городских легенд, Толкальщике: как видно из имени, он ходит вокруг каналов и попросту спихивает туда людей, чтобы утопить их. И еще были разные рассказы из области криптозоологии, свидетельства о странных существах в городских каналах. Так что даже в постиндустриальной среде все еще существует ощущение связи с прошлым и не то чтобы открыто сверхъестественного, но скорее вещей, выходящих за рамки нормального, как бы того, что мы замечаем краем глаза — все эти вещи все еще живы.

Да, но вместо того чтобы стать пережитками мира природы в городе, они стали пережитками капиталистической мечты — когда та, как мы знаем, не сбылась.

[9] Rose, M. "There's something in the water!" A psychogeographical exploration of what lurks beneath the surface of Manchester в [Bell 2019].

[10] «Движение сопротивления праздношатающихся» (Loiterers Resistance Movement) — манчестерская группа энтузиастов психогеографии, вдохновленная ситуационистами. Основная творческая практика группы — регулярные свободные прогулки по городу, призванные распространять знание о переменчивой городской среде и разделять опыт ее совместного восприятия.

Да, и вся эта история с Толкальщиком — это своего рода классическая страшилка про опасного незнакомца, чтобы держать детей подальше от опасных мест. Я даже нашел отголоски этой истории в Манчестере XIX века: персонажа зовут Дженни Зеленые Зубы. Если вы подойдете слишком близко к пруду или к каналам, она вытянет руку, схватит вас и затянет под воду. Очень практичный способ — рассказывать страшные сказки, чтобы оградить детей, не находите?

Ну да, «пугающий образ», а еще не забыть бы сказать про «лиминальные пространства»: в любой непонятной ситуации говорите про лиминальность. Но говоря о планах, что же ожидает проект в будущем? Над чем вы сейчас работаете?

С точки зрения совместной работы, сборник пошел нам на пользу. По отдельности мы все еще работаем над публикациями. Например, недавно ко мне обратились вообще без всякой связи со «Сверхъестественными городами» — нужно, чтобы я написал что-то о проявлениях сверхъестественного в морском фольклоре. Я не знаю, может быть, это из-за того, что Портсмут — морской город. Но это предложение написать скорее научно-популярную книгу по истории, а не монографию для научного сообщества. Самое масштабное направление нашей совместной деятельности сейчас связано с ценностью мобильных приложений и подобными вещами. Пару лет назад я участвовал в другом проекте в Университете: мы изучали портовые города, их культуру, и наносили различные полученные данные на карту старого Портсмута. И если перенести наши исследовательские данные в приложение для телефона[11], можно получить интерактивную карту с разными интересными сведениями. Представьте: вы гуляете по какой-то конкретной части Портсмута и можете узнать о том, что было раньше на этом месте — пабы или, может, бордель, но помимо того, это дало мне возможность добавить туда кое-что из моих исследований местного фольклора. На основе этого мы стали развивать кое-что еще[12], и сейчас заняты проектом под названием PortsMyth, в котором мы работаем в основном с Элисон, Томом и другими писателями, а также с компанией Nautoguide, которая взяла на себя техническую разработку приложения. Это, по большей части, фэнтези-нарратив, разворачивающийся в реальном пространстве: он об оккультном детективном агентстве, которое выдает людям своего рода квест, и вы ходите по городу. Приложение вдохновлено Pokémon Go, накладывая реальность (или альтернативную реальность) поверх действительной. Оно пользуется той же концепцией, но движется по нарративу со сверхъестественными элементами: на конце пирса есть кукла зловещего моряка, так что вот вам жуткая анимированная фигура; а еще у нас есть призрак, с которым связаны различные эпизоды локальной истории Портсмута.

А еще официальная история города и сохранившаяся историческая застройка.

Да, и поэтому мы направляем людей в те части города, которые были, на наш взгляд, наиболее исторически интересными. Одна из вещей, которую мы планируем сделать... мы надеемся закончить пилотную версию к июлю,

[11] *Sailortown*, браузерное приложение, которое можно скачать на https://sailortown.co.uk/

[12] Включая еще одно браузерное приложение, *Dark Side, Port Side*, которое можно скачать https://darkside.nautoguide.com/

а затем мы хотели бы попробовать сделать приложение доступным для студентов (если у нас к сентябрю в принципе появятся студенты), сделать свободный доступ для первокурсников, чтобы они, как приедут, могли его загрузить — и чтобы они начали как-то узнавать Портсмут, потому что — ну, не знаю, как это организовано у вас, но у нас сейчас упор идет на то, чтобы студенты в основном держались в центре города. Полагаю, затем, чтобы они не слишком раздражали местных жителей или типа того. Поэтому студенты обычно особо далеко не забредают, держатся в очень небольшой части центра. Но если они скачают приложение, это может пробудить их интерес к исследованию города, у них появится желание пойти и найти эти места, чтобы узнать больше о реальных историях, которые за ними стоят.

> *Получается геймификация сверхъестественного. Очень интересный проект. Если мы с вами похожи, то вы, наверное, сильно увлекаетесь подобными проектами и в то же время волнуетесь за их результаты, но они вроде как получаются успешными — так что как вы лично балансируете между сомнениями типа «Достаточно ли академична моя работа?» и «Люди действительно что-то узнают о моих исследованиях»?*

Все началось еще с фестиваля: я имею в виду, что подготовка к нему занимает очень много времени, а я такой человек, который должен быть во всем идеален, когда дело доходит до организации. С точки зрения науки, плоды моих усилий для меня самого или для дальнейшего развития темы достаточно невелики, однако, как вы верно подметили, в первую очередь важно влияние моего проекта. У нас есть REF[13], которой мы обязаны придерживаться, если хотим показать, что не просто общаемся с другими учеными, а выходим за эти рамки, в реальный мир, и оказываем на него реальное влияние. Отчасти смысл портсмутского Даркфеста в том, чтобы вызвать интерес не только к локальным творческим сообществам, но и к сверхъестественному, и постепенно они усваивают эту идею — что человек, который услышал историю о привидениях в конкретном месте, уже никогда не сможет смотреть на это место прежними глазами. Это изменяет их восприятие пространства и места за счет осознания того, что с этим самым местом связано что-то сверхъестественное, *другое*. Мы пытаемся донести эту идею через приложение, так что она идет не слишком в лоб, и оценить влияние моих трудов на кого-либо довольно сложно — но это интересная попытка достучаться до людей каким-то новым способом.

> *В моих собственных заигрываниях с публичными выступлениями или с тем, что называется передачей знаний, мне всегда кажется, что ну не смогу же я превратить всех в мини-копии меня самого и заставить их разделять мои интересы. Но если я могу, по крайней мере, заставить людей посмотреть на мир хоть на пару процентов шире, и серьезнее относиться к тому, что они раньше или игнорировали, или принимали как должное, то это уже чего-то да стоит.*

Именно так. Или, если люди и так уже придерживались таких взглядов, они могут найти им подкрепление: что они такие не одни, они не сумасшедшие из-за того, что верят в подобные вещи или хотя бы просто о них

[13] Research Excellence Framework, рамочная программа оценки качества исследовательской работы.

задумываются, есть и другие, кто этим интересуется; а еще, я думаю, тут играет роль чувство некоего виртуального сообщества людей с общими интересами. Не знаю, следите ли вы за сообществом Folk Horrors в фейсбуке: оно довольно быстро набрало большое количество участников и привлекло к себе внимание, и это показывает, что есть люди, ищущие подкрепления своим интересам, и стоящий за этим культурный тренд, по-моему, особенно примечателен.

Пожалуй, сейчас, когда никому нельзя выходить на улицу, интересный момент, чтобы переосмыслить «Сверхъестественные города». Размышляли ли вы о том, как «новая реальность», сколько бы она не продлилась, заставляет нас по-другому взглянуть на урбанизм в целом и на город как место, которое одновременно — и множество маленьких атомизированных частных мест, и в то же время городские площади, улицы, публичные пространства составляют настолько значительную часть городского опыта — и вот ее-то мы теперь и лишены?

Ну, я думаю, что тут и положительные стороны есть, например, в венецианских каналах вода очистилась, и у нас тут в Портсмуте тоже: все говорят о том, как гавань — одна из главных по количеству грузовых судов в мире — стала куда чище, так что в каком-то смысле это обратный эффект. Город может стать куда красивее: мы обычно не считаем городскую среду особо красивой, и все же чувствуем, как природа может очень быстро вновь заявить на эти места свои права, так что наблюдать за этим было достаточно интересно. Но, как вы и сказали, идея о потребности в местах, в которых мы можем собираться и предаваться всем тем культурным практикам, которым мы обычно предаемся — пить, беседовать и все в этом духе — отсутствие этого явно ощущается, и чувство этого отсутствия присутствует — как призрак. Я думаю, что нам не хватает кое-чего интересного: когда вы заперты в доме, даже если раньше вы об этом особо не задумывались, даже если это стало чем-то вроде бессознательной реакции — но стоит вам внезапно этого лишиться, как вы лишаетесь и важной роли городов в объединении людей. Пусть мы и говорим, что местные сообщества уже не особенно сплоченные, просто возможность видеть других людей, случайно пересекаться с ними на улицах города гораздо важнее, чем вы когда-либо думали.

Я думаю, что в следующие пятнадцать лет любая конференция будет частично или полностью про жизнь после коронавируса.

Последствия этого культура еще долго будет переживать.

Интересно еще, какие будут вернакулярные последствия с точки зрения переосмысления уже известных публичных мест через призму сверхъестественного. Не хочу слишком долго вас отвлекать и думаю, что про все самое важное мы уже поговорили, но, может, что-то еще стоит добавить: если бы вам пришлось представлять «Сверхъестественные города» не просто как центр, но как проект и как актора социальной жизни, что бы вы выделили самое главное?

Главный интерес в том, чтобы рассматривать и окружение, и воображение, и то, как они друг с другом взаимодействуют. Больше всего

меня волнует именно это: как нам расширить понимание этой проблемы, взглянуть на нее через разные дисциплины, разные точки зрения, разными способами понимания и окружающей среды, и воображения и тому подобного. Думаю, именно в этом и будет основная задача нашего проекта, поэтому мы, скорее всего, продолжим расширять наше предметное поле за рамки собственно сверхъестественного. Я не знаю, сколько мы еще сможем придерживаться заданного направления, но мое главное стремление в настоящий момент — завязать новые или развивать уже существующие международные связи. Проект уже получил поддержку в Великобритании, выход книги и конференции помогли завязать некоторые связи в Европе, и именно поэтому мне и было так приятно, когда вы вдруг мне написали — что вы, оказывается, вообще о нас слышали! Чем больше мы сможем и дальше наводить мосты и пробовать сотрудничать с другими людьми, кто наверняка уже и так занимается похожими вещами (как, например, вот журнал «Фольклор и антропология города»), тем замечательнее.

Литература/References

Bell, K. (2012). *The Legend of Spring-heeled Jack: Victorian urban folklore and popular cultures*. Woodbridge: Boydell and Brewer.

Bell, K. (Ed.). (2019). *Supernatural cities: Enchantment, anxiety, spectrality*. Woodbridge: Boydell and Brewer.

Bell, K., Pryde-Jarman, S. (Eds.). (2016). *Dark city: Portsmouth tales of haunting and horror*. Portsmouth: Life Is Amazing.

Davies, O. (1998). Newspapers and the popular belief in witchcraft and magic in the Modern period. *Journal of British Studies, 37*(2),139–165.

Derrida, J. (1993). *Spectres de Marx: l'état de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale*. Paris: Editions Galilée. (In French).

Ellis, B. (1989). When is a legend? An essay in legend morphology. In G. Bennett, P. Smith (Eds.). *The questing beast: Perspectives on contemporary legend IV*, 31–53. Sheffield: Sheffield Academic Press.

Ethos: Journal of the Society for Psychological Anthropology, 47(4).

Redfield, R. (1947). The folk society. *The American Journal of Sociology, 52*(4), 293–308.